

Александр Долинин

О ПУШКИНЕ,
О ПАСТЕРНАКЕ

Работы разных лет

МОСКВА
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2022

УДК 929Пушкин А. С.
ББК 83.3(2=411.2)52-8Пушкин А. С.
Д64

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. ССXXXIX

Долинин, А.

Д64 О Пушкине, о Пастернаке: Работы разных лет / Александр Долинин. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 528 с.

ISBN 978-5-4448-1819-0

Изучению поэтических миров Александра Пушкина и Бориса Пастернака в разное время посвящали свои силы лучшие отечественные литературоведы. В их ряду видное место занимает Александр Алексеевич Долинин, известный филолог, почетный профессор Университета штата Висконсин в Мэдисоне, автор многочисленных трудов по русской, английской и американской словесности. В этот сборник вошли его работы о двух великих поэтах, объединенные общими исследовательскими установками. В каждой из статей автор пытается разгадать определенную загадку, лежащую в поле поэтики или истории литературы, разрешить кажущиеся противоречия и неясные аллюзии в тексте, установить его контексты и подтексты. Исследования А. А. Долинина, как правило, вводят в поле зрения новый материал из русской и западноевропейской культуры и нередко носят полемический характер. В приложении печатается авторский комментарий к «Моцарту и Сальери», в котором детально реконструируется история легенды об отравлении Моцарта, устанавливаются литературные параллели к ней и анализируются «темные места» драмы.

УДК 929Пушкин А. С. + 929Пастернак Б. Л.
ББК 83.3(2=411.2)52-8Пушкин А. С. + 83.3(2=411.2)6-8Пастернак Б. Л.

В оформлении обложки использованы работы Елизаветы Кругликовой:
А. С. Пушкин. Силуэт. Вт. пол. 1930-х гг. Линогравюра.
Из собрания О. С. Северцевой. Публикуется с разрешения наследников.
Б. Л. Пастернак. Силуэт. Иллюстрация из книги «Силуэты современников. Поэты». М., Альциона, 1922. С. 23

© А. Долинин, 2022
© И. Дик, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
---------------------	---

О Пушкине

Еще раз о загадке Таврической звезды	12
«Шотландская строфа» у Пушкина (К творческой истории стихотворения «Обвал»)	42
Комментарий к двум стихам из «Евгения Онегина»	69
Гяур под маской янычара: о стихотворении Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят»	81
Итальянские мотивы в поэме Пушкина «Анджело»	108
Dichtung und Wahrheit Пушкина: «грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года»	119
Кавказские врата (Дарьяльское ущелье в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года»)	140
Историзм или провиденциализм? Пушкинская «История Пугачевского бунта» в контексте французской романтической историографии	163
Еще раз о хронологии «Капитанской дочки»	200
Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из собственников Иоанны Д'Арк»	210

О Пастернаке

О некоторых подтекстах стихотворения «Тоска»	236
«Уроки английского»: текст и его подтексты	252
Темные аллюзии в стихотворении «Клеветникам»	269
Аллюзии в цикле Пастернака «Разрыв»	282
Где спрятан Маяковский? (Заметки об устройстве «Тем и варяжий»)	302

Приложение

Моцарт и Сальери	333
Комментарий	343
Литература	485
Первые публикации статей, включенных в сборник . . .	503
Указатель имен	505
Алфавитный указатель произведений Пушкина	520
Алфавитный указатель произведений Пастернака	524

ОТ АВТОРА

Для сборника, предлагаемого читателю, я отобрал 15 статей разных лет, с 1997 по 2021 год, посвященных, как явствует из названия, только двум авторам — Пушкину и Пастернаку. Этот выбор объясняется, конечно же, не аллитерацией на «П» их фамилий и даже не тем, что Пушкин занимал в творческом сознании Пастернака довольно важное место, о чем немало и неплохо писали, а определенным сходством задач, которые я ставил и решал в отобранных работах. По отношению как к Пушкину, так и Пастернаку меня в первую очередь интересовало выявление и исследование ранее незамеченных литературных источников, аллюзий и литературно-исторических контекстов, позволяющих уточнить, а в ряде случаев и изменить наше понимание рассматриваемых текстов.

Все статьи за одним исключением печатались ранее в журналах и научных сборниках (см. список в конце книги). В них внесены лишь небольшие изменения и дополнения, уточнена и унифицирована библиография и сняты посвящения адресатам юбилейных фестшрифтов. Единственное исключение составляет статья «Историзм или провиденциализм? Пушкинская „История Пугачевского бунта“» в контексте французской романтической историографии» (2021), печатающаяся впервые. Она представляет собой новую, существенно переработанную и расширенную редакцию англоязычной статьи, опубликованной много лет назад¹.

¹ Dolinin A. Historicism or Providentialism? Pushkin's *History of the Pugachev Rebellion* in the Context of French Romantic Historiography // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. No. 2 (Summer). P. 291–308. Я благодарен А. Л. Осповату, который своими замечаниями и советами помог мне улучшить русский вариант статьи.

В приложении к сборнику помещен (с некоторыми изменениями) мой комментарий к «Моцарту и Сальери», опубликованный в репринтном издании брошюры «Стихотворения А. С. Пушкина (Из „Северных цветов“ 1832 года)»¹. К моему огорчению, это научное издание с обширными комментариями (кроме меня, над ними работали А. С. Бодрова и О. А. Проскурин) осталось незамеченным за пределами неуклонно сужающегося круга пушкинистов. Мне известна лишь одна рецензия на него, появившаяся даже не в России, а в США².

Комментарий к «Моцарту и Сальери», который содержит много ранее неизвестных сведений о происхождении легенды, приписавшей Сальери убийство Моцарта, и об источниках и аллюзиях пушкинского текста, если верить всезнающему интернету, до сих пор не был учтен ни в одной работе о «маленьких трагедиях». Именно это послужило основной причиной того, что я решил его републиковать, причем на этот раз он привязан не к прижизненной публикации текста по старой орфографии с опечатками и ошибками, а к его обычной модернизированной редакции, что позволило отказать от пояснений чисто текстологического и историко-лингвистического характера.

В обоих разделах сборника использована стандартная система постраничных сносок. Она не распространяется лишь на героев книги. Произведения и письма Пушкина и Пастернака, за исключением особо оговоренных случаев, цитируются по полным собраниям их сочинений с указанием в скобках тома и страницы:

В первом разделе это *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. 1837–1937: В 17 т. М.; Л., 1937–1959.

Во втором — *Пастернак Б. Л.* Полное собрание сочинений с приложениями: В 11 т. М., 2003–2005.

¹ *Пушкин А. С.* Сочинения: Комментированное издание / Под общей ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 3: Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года / Ред. А. Бодрова, А. Долинин. М., 2016. С. 33–171.

² Ее автором был Майкл Вахтел (Michael Wachtel, Princeton University). См.: *Slavic and East European Journal*. 2017. Vol. 61. No. 4. P. 903–904.

Кроме того, в первом разделе при ссылках на книги, сохранившиеся в библиотеке Пушкина, использовано сокращение: *Библиотека Пушкина* = *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники.: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. IX/X. С. 1–370.

В цитатах из изданий XVIII — начала XX века сохраняются основные особенности орфографии и пунктуации.

В приложении ссылки даются в круглых скобках внутри текста и ведут к списку литературы и принятых сокращений.

Все переводы с иностранных языков, если их авторы не указаны в сносках, выполнены мной.

При подготовке сборника к печати большую помощь мне оказала редактор книги Антонина Мартыненко. Без ее участия я бы, наверное, не смог справиться с технической стороной дела и пропустил бы целый ряд погрешностей. Спасибо, дорогая Тоня!

ЕЩЕ РАЗ О ХРОНОЛОГИИ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ»

...The novelist employs a time that is *seemingly historical* yet is condensed or prolonged, a time, then, that has at its command all the freedoms of imaginary worlds.

Mircea Eliade

Вопрос о хронологических странностях «Капитанской дочки» впервые был поставлен Мариной Цветаевой, которая в знаменитой статье «Пушкин и Пугачев» заметила, что возмужание Гринев в романе происходит с неправдоподобной быстротой. Пушкин, — утверждала она, — «даже за- бывает *post factum* постарить Гринева <...> Между Гриневым — дома и Гриневым — на военном совете — три месяца времени, а на самом деле по крайней мере десять лет роста <...> Пушкинскому Гриневу еще до полного физического роста четыре года расти и вырастать из своих мундиров»¹.

Это замечание Цветаевой было впоследствии подхвачено и развито в некоторых научных исследованиях поэтики романа. Так, Игорь Смирнов, попытавшийся описать сюжет «Капитанской дочки» как трансформированную структуру волшебной сказки, увидел в указанных Цветаевой хронологических несообразностях «следствие противоречий между кодом сюжетным (сказочным) и кодом историко-реальным,

¹ Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1967. С. 126. В конце тридцатых годов Н. Е. Прянишников также утверждал, что в «Капитанской дочке» между «разгаром народного восстания и первоначальной дремотной идиллией» проходит всего 3–4 месяца. См.: Приложение. «Капитанская дочка» в критике // Пушкин А. С. Капитанская дочка / 2-е изд., доп. Л., 1984. С. 259 (Литературные памятники).

между мифологическим и иллюзорно-физическим временем. В мифе и сказке процессуальность выражена очень слабо, трансфигурация культурного или волшебного героя происходит внезапно, а не постепенно. Подобно этому, внезапно, взрослеет Гринев, когда выказывает зрелую мудрость на военном совете и превосходит коллектив старших»¹. Еще большее значение придала тем же самым анахронизмам Н. Кондратьева-Мейксон², для которой отклонения от реального календаря в «Капитанской дочке» суть не что иное, как особый художественный прием — отказ от правдоподобной хронологии ради установления символических соответствий между явлениями природного мира и сюжетными событиями (скажем, Пугачев должен появляться из бурана, даже если по реальному календарю буран в это время года невозможен). Нетрудно доказать, однако, что подобные умозаключения, при всем их остроумии, основаны на недостаточно внимательном чтении пушкинского текста и что на самом деле действие «Капитанской дочки» охватывает значительно более длительный отрезок времени, чем это представлялось Цветаевой и ее последователям³.

Разумеется, от романа, первая же фраза которого не договаривает («в силу оригинальной честности нашей литературы», как сказал В. Набоков) двух последних единиц года отставки Гринева-отца и в котором биография героя не стыкуется с разветвленной системой намеков на переворот Екатерины 1762 года⁴, не приходится ожидать точного

¹ Смирнов И. П. От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27: История жанров в русской литературе X–XVII вв. Л., 1972. С. 317.

² См.: Кондратьева-Мейксон Н. По какому календарю? Время и пейзаж в «Капитанской дочке» // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 168–176.

³ В комментарии к «Капитанской дочке» М. И. Гиллельсон и И. Б. Мушина возражают против суждений Цветаевой о «преждевременной зрелости» Гринева, усматривая в его поступках полное соответствие возрасту, но при этом не оспаривают ее хронологические выкладки (см.: Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Комментарий. Л., 1977. С. 75).

⁴ Как известно, Пушкин первоначально датировал отставку Гринева-старшего 1762 годом [см.: VIII: 858], прямо связав ее с узурпацией власти Екатериной, но затем вынужден был снять эту датировку, ибо она входила

следования календарю. В некоторых случаях Пушкин, подчеркивая фиктивный, условный характер своего повествования, даже обыгрывает расхождения между реальной датировкой исторических событий (прекрасно известной ему как историку Пугачевского бунта) и тем, как эти же события датируются в романе. Так, взятие Белогорской крепости в «Капитанской дочке» приурочено к реальному событию — оно происходит на следующий день после падения Нижне-Озерной крепости¹, о котором Пушкин подробно писал в «Истории». Однако, если Нижне-Озерная крепость в действительности была взята, как сообщает Пушкин-историк, 26 сентября [IX: 18–19], то в романе события сдвинуты по меньшей мере на неделю вперед («это было в начале октября 1773 года» [VIII: 313], — уточняет Гринев). Благодаря этому временному сдвигу, центральная сцена «Капитанской дочки» — штурм и захват Белогорской крепости — избавляется от прямых соответствий какому-либо определенному историческому прототипу, но отсылает сразу к двум эпизодам Пугачевского бунта. С одной стороны, она, как давно было замечено, вбирает в себя подробности захвата Ильинской крепости (29 ноября)², где Пугачев повесил двух офицеров, отказавшихся ему присягать, но помиловал капитана

в явное противоречие с биографией Гринева-сына, который родился уже после отставки отца, но при этом не позднее 1756 года (к началу восстания Пугачева в 1773 году ему должно быть не меньше 17-ти лет). Отказ от точной датировки и, как следствие, введение условного, некалендарного, неопределенного отсчета времени в самом начале повествования позволили Пушкину сохранить двойную — биографическую и историческую — хронометрию внутри текста, а с нею и его аллюзивную соотнесенность с убийством Петра III и вступлением на престол Екатерины II (связанные с этими событиями исторические подтексты «Капитанской дочки» были великолепно выявлены А. Л. Осповатом в работе «Исторический материал и исторические аллюзии в „Капитанской дочке“» (Тыняновский сборник. Вып. 10: Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 41–69).

¹ Ср.: «Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда» [VIII: 319].

² См., например, комментарии Ю. Оксмана к указанному выше изданию «Капитанской дочки» в серии «Литературные памятники»: Пушкин А. С. Капитанская дочка / 2-е изд., доп. Л., 1984. С. 287.

Башарина, а с другой, должна вызвать ассоциацию с одним из самых кровавых эпизодов восстания — со зверской расправой Пугачева над защитниками Татищевой крепости, которая была взята, подобно Белогорской крепости в романе, *на следующий день после Нижне-Озерной*¹. Сквозь слегка смягченные жестокости Пугачева в «Капитанской дочке» просвечивают чудовищные детали реальной бойни: если романические мятежники отрубает голову калмыку Юлаю, то мятежники исторические — бригадиру Билову; если в романе Василису Егоровну убивают по приказу Пугачева ударом сабли по голове, то в «Истории» жену коменданта изрубуют на куски. В полукомической угрозе Пугачева содрать с Савельича кожу «на тулупы» таится леденящий намек на реальный факт, когда казаки заживо содрали кожу с коменданта Татищевой крепости, полковника Елагина, «человека тучного», и «вынули из него сало» [IX: 19], точно так же, как почти сказочное избавление Марьи Ивановны от Пугачева напоминает о печальной судьбе упомянутой ею Харловой — *дочери убитого Елагина*, которая была схвачена все в той же Татищевой, отдана в наложницы Пугачеву, а потом предана им и расстреляна его сподвижниками [IX: 27–28]².

¹ Пушкин использовал в романе такие детали осады Татищевой, как переход крепостных казаков на сторону Пугачева, ранение коменданта при штурме и стрижка пленных солдат по-казацки. Упомянутый в «Капитанской дочке» «обер-секретарь» Пугачева, «молодой малый в капральском мундире» [VIII: 335], может быть соотнесен с реальным писарем Пугачева, сержантом Кармицким, которого «яицкие казаки, при взятии Татищевой, удавили <...> и бросили с камнем на шее в воду» [IX: 27].

² В первый раз Гринев упоминает о Харловой, не называя ее по имени, как о молодой жене убитого коменданта Нижне-Озерной крепости, которую он видел вместе с мужем месяца за два до событий [VIII: 319]. В рукописи романа знакомству Гринева с Харловой придано еще большее значение, поскольку Марья Ивановна ревнует Петрушу к заезжей красавице, с которой он «слишком разговорился» [VIII: 878]. На участь Харловой как на возможный вариант судьбы Марьи Ивановны намекает эпизод в комендантском доме, где Гринев видит ее «постелю, перерытую разбойниками», «ограбленный шкаф» и «опустелый кивот» и воображает любимую в руках у разбойников. В дальнейшем эта параллель актуализируется, когда Марья Ивановна пишет Гриневу, что Швабрин жестоко обходится с ней и грозит, если она не выйдет за него замуж, отвезти ее в лагерь к Пугачеву, где ее постигнет участь Лизаветы Харловой [VIII: 342].

Идеальный читатель «Капитанской дочки», к которому обращается Пушкин, должен знать его же «Историю Пугачевского бунта» и соотносить романические события, происходящие в условном времени фикции, с их историческими аналогами и прообразами. Милость Пугачева по отношению к романическим Гриневу и Марье Ивановне (как и к реальному Башарину) отнюдь не отменяет, а лишь оттеняет его злодейство по отношению к реальным Елагину и Харловым (как и к романической Василисе Егоровне). Время романа сложно взаимодействует с временем историческим, многократно пересекаясь с ним, но полностью никогда не совпадая. Оно как бы реализует потенции, оставшиеся недовыявленными и недореализованными в истории, и потому движется по своему собственному календарю — движется прерывистыми толчками, то сжимаясь, то растягиваясь, то застывая на месте. Скажем, рассказ о месяцах, проведенных Гриневым в Белогорской крепости или в отряде Зурина, занимает всего несколько строк, тогда как сцена взятия Белогорской крепости, длящаяся один день, будет растянута на две с лишним главы. В конце романа, после ареста Гринева, время вообще почти перестает двигаться, и Марья Ивановна благополучно попадает в Петербург в разгар золотой осени, тогда как по календарю ее встреча с императрицей должна произойти в лучшем случае в середине ноября. Однако в пределах условного романного времени (мотивированного, конечно же, формой «семейственных записок», позволяющей списать любые анахронизмы на счет ошибок старческой памяти повествователя) сама история Гринева и Марьи Ивановны оказывается хронологически непротиворечивой и реконструируется следующим образом:

Главы 1–3. Длительность действия — около месяца.

Отец принимает решение отослать Петрушу из дома «однажды осенью, [когда] матушка варила в гостиной медовое варенье»¹. Вскоре после этого Гринев едет в Симбирск,

¹ Противопоставлению патриархально-домашнего быта историческому процессу в романе соответствует противопоставление двух типов отсчета времени: референтного, то есть отсылающего к сезонному занятию или

затем в Оренбург и, наконец, отправляется к месту назначения, в Белогорскую крепость. Все эти передвижения, следовательно, происходят поздней осенью — предположительно, во второй половине октября — ноябре месяце. Как явствует из текста, в это время уже ударили морозы (дома на Петрушу надевают пресловутый заячий тулуп, а сверху лисью шубу [VIII: 282]); не говоря уже о неожиданной метели, застигшей Гринева близ Оренбурга, за Волгой повсюду лежит снег («все покрыто было снегом» [VIII: 286–287]; «...берегах, покрытых белым снегом» [VIII: 294]; «три или четыре скирда сена, полужанесенные снегом» [Там же]); но в то же время Яик не успел замерзнуть: «Река *еще* не замерзала, и ее свинцовые воды грустно чернели в однообразных берегах...» ([Там же]; курсив наш. — А. Д.). На последнюю фразу обратил внимание Вяземский, слушавший чтение Пушкиным «Капитанской дочки» по рукописи. «Кажется, зимою у тебя река где-то не замерзла, — писал он Пушкину, — а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы»¹. Очевидно, Пушкин никак не отреагировал на замечание Вяземского потому, что тот со слуха не разобрался в подробностях и не понял, что действие соответствующей сцены происходит не «посреди зимы», а именно «с начала». Из комментария же Гринева к «воровскому разговору» Пугачева с хозяином постоянного двора в главе «Вожатый» следует, что Пушкин имеет в виду позднюю осень 1772 года: как замечает Гринев, он не скоро догадался, «что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирненного после бунта 1772 года» [VIII: 290]².

некоему экстраординарному событию (например, к варке варенья, сбору грибов или, как мать Гринева определяет год рождения сына, по несчастью, постигшем «тетушку Настасью Герасимовну» [VIII: 281]), и календарного.

¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. СПб., 1899. С. 347.

² Об этом бунте, который был подавлен в июне 1772 года, Гринев упоминает также в исторической справке, открывающей шестую главу книги, где он еще раз соотносит «усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями» со своим приездом в Белогорскую крепость: «Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость» [VIII: 313].

Главы 4–5. Длительность действия — около 10 месяцев.

Вскоре после приезда Петруши в Белогорскую крепость его «сносная и приятная» жизнь принимает размеренный, регулярный характер. Она лишена особых драматических событий и потому хронологически не маркируется. Тем не менее Гринев упоминает о том, что он успел получить офицерский чин и серьезно заняться литературой, так что речь идет о достаточно длительном промежутке времени. Этот бессобытийный период заканчивается ссорой с Швабриным, которая происходит летом 1773 года, по-видимому, в июле и, во всяком случае, не позднее середины августа. На время года здесь указывает значимая бытовая деталь: когда Гринев приходит к Ивану Игнатьевичу, он застаёт его с иголкой в руках: «по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму» [VIII: 301]. После дуэли Гринев, по его словам, «целый месяц был на краю гроба» [VIII: 310], затем, после получения отцовского письма с запретом на женитьбу, «впал в мрачную задумчивость» и несколько недель провел в тоске и бездействии, из которых его вывел получение известий о Пугачевском бунте.

Главы 6–8. Длительность действия — около недели.

Как мы уже знаем, капитан Миронов получает известие о восстании Пугачева в начале октября 1773 года [VIII: 313]. После этого проходит еще некоторое время, в течение которого распространяются слухи о приближении мятежников, урядник успевает съездить на разведку в соседние селения и через два дня вернуться [VIII: 314], в крепости ловят башкирца с возмутительными листами, и, наконец, приходит известие о взятии Нижне-Озерной крепости. С этого момента отсчет времени в романе начинает идти на часы и минуты: на завтра мятежники захватывают крепость, Пугачев вершит свой суд, жители в течение трех часов приходят к присяге, Гринев забегает в дом священника, потом идет домой, потом, когда «начинало смеркаться» [VIII: 330], отправляется в комендантский дом, где беседует с Пугачевым, и, наконец, уходит от него поздно ночью (ср.: «Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу» [VIII: 333]). Ранним утром следующего

дня и Пугачев со своим отрядом, и Гринев покидают Белогорскую крепость.

Глава 10. Длительность действия — четыре с половиной месяца.

Срок службы Гринева в Оренбурге точно устанавливается из письменных показаний его начальника, старого генерала Р., данных Следственной комиссии. По его свидетельству, Гринев находился на службе «от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился» [VIII: 368].

Главы 11–12. Длительность действия — 2 дня.

В этих главах, как и в сцене захвата Белогорской крепости, время исчисляется часами, минутами и даже мигами (ср.: «Ямщики мигом заложили лошадей» [VIII: 358]). Вечером 24 февраля Гринев попадает в Бердскую слободу, к Пугачеву, и во второй раз оказывается за позднюю «трапезою с Пугачевым и с его страшными товарищами». Оргия продолжается до глубокой ночи [VIII: 350], а утром Гринев и Пугачев в сопровождении Савельича отправляются в Белогорскую крепость. Дорога занимает несколько часов [VIII: 351]. Выручив Марью Ивановну, Гринев проводит час с нею наедине и затем дружески расстается со своим благодетелем Пугачевым¹. После того как Марья Ивановна прощается с могилами своих родителей, они с Гриневым, Савельичем и Палашей отправляются в путь.

Глава 13. Длительность действия — 7–8 месяцев.

Вечером 25 февраля Гринев случайно встречается с Зуриным и принимает предложение последнего вступить в его отряд. 26 февраля Гринев, отправив Марью Ивановну и Савельича в родительское имение, выступает в поход (ср. также уточнение Гринева: «Это было в конце февраля» [VIII: 363]). О своем участии в войне с Пугачевым, как и о начальном

¹ Любопытно, что Пушкин приурочил благородный поступок романтического Пугачева к тем самым дням, когда, согласно «Истории Пугачевского бунта», он в действительности совершил одно из самых своих низких преступлений: «велел <...> тайно задавить одного из верных своих сообщников, Дмитрия Лысова», хотя пил с ним еще за несколько часов до его смерти [IX: 47].

периоде жизни в Белогорской крепости, Гринев подробно не рассказывает; мы знаем лишь, что по длительности обе эти «пустые» части его биографии, симметрично расположенные в пространстве текста, примерно совпадают. В сентябре 1774 года, уже после получения известия о поимке Пугачева (которая последовала 15 сентября), Гринева арестовывают и отправляют под караулом в Казань, в Следственную комиссию [VIII: 364–365].

Глава 14 и послесловие Издателя.

Длительность действия — 2–3 месяца.

После встречи Марьи Ивановны с Екатериной II Гринев освобождается от заключения в конце 1774 года [VIII: 374], и нам известно, что 10 января 1775 года он присутствует при казни Пугачева в Москве [Там же].

Таким образом, основное сюжетное время романа исчисляется отнюдь не несколькими месяцами, а двумя годами и охватывает период с осени 1772-го до конца 1774 года. Если в начале романа недорослю Гриневу идет семнадцатый год, то в конце книги он вступает в брак с Марьей Ивановной вполне зрелым (по меркам XVIII века) девятнадцатилетним мужчиной, умудренным опытом армейской службы, бунта, пленения и несправедного суда. Его взросление в романе представляет собой не мгновенный, сказочный скачок к мудрости, а достаточно долгий процесс возмужания и становления — процесс, хотя и получающий дополнительное ускорение в точках пересечения биографии с историей, но проходящий все последовательные стадии, от игры и пьянства с Зуриным, а также «ужина у Аринушки», до первой сознательной молитвы, «излиянной из чистого, но растерзанного сердца», и свадьбы. Характерно, что Пушкин предполагал продлить сюжет воспитания своего героя еще на целый год. В его рукописях сохранился так называемый «Подсчет года рождения Гринева», из которого явствует, что по пушкинскому замыслу в 1773 году Гриневу должно было быть восемнадцать лет и что, следовательно, Пушкин хотел датировать начало романа не 1772-м, а 1771-м годом [VIII: 928]. Если вспомнить, что в «Истории Пугачевского бунта» Пушкин ошибочно утверждал, что волнения

яицких казаков, к которым приурочена провиденциальная встреча Гринева с Вожатым-Пугачевым во время бурана, произошли именно в 1771-м году [IX: 10–11], то нетрудно догадаться, почему он отказался от своего намерения. По-видимому, во время работы над «Капитанской дочкой» он обнаружил собственную хронологическую ошибку в «Истории Пугачевского бунта» и решил не повторять ее в романе. Восстановление же исторической точности в данном случае автоматически привело к сокращению «пустой части» жизненного опыта героя. Не исправь Пушкин ошибку в датах, Гринева пришлось бы спокойно прослужить в Белогорской крепости до Пугачевского восстания не один, а целых два года, что подчеркнуло бы постепенность его превращения из деревенского простофили в зрелого мужа, сумевшего в хаосе бунта не потерять «честь смолоду». Впрочем, для основных событий «Капитанской дочери» это не имело бы никакого значения — ведь именно в них, в этих хронологически далеких друг от друга и краткосрочных точках сюжета, и выявляется человеческая сущность характера Гринева, а связующим их временным отрезкам, какой бы длительности они ни были, отведена подсобная роль соединительной ткани. Время «Капитанской дочери» — это время романа воспитания, пересозданное по моделям романа авантюрного; оно не течет, а перебрасывает нас от одного значимого момента к другому, и потому даже таким искушенным читателям, как Марина Цветаева или Игорь Смирнов, может показаться очень коротким. На самом же деле к нему просто неприменимы реалистические конвенции, ибо оно не подчиняется диктату истории, а выводит нас за пределы ее кровавого календаря в свою собственную, творимую и животворящую длительность.